

Уважаемый Виктор Михайлович!

Большое спасибо за новогоднее поздравление, отвечаю я и моей семье взаимностью.

Пусть грядущий 1979 год принесет народу нашей Родины счастье и мир.

В эти же дни из Славитино от Павла Дмитрия получил телеграммное Ваше correspondence "Семья Васильевых".

Мы и мое correspondence поправимся своей динамичностью, образностью и правдивостью.

А это правильное, наше поколение изучило этот патристизм как непосредственное, долгие, а для молодежи, безделье, этот материал имеет большое значение.

Меня это волнует потому, что почти всех упомянутых я хорошо знаю, а Нина Павловна и Василий Васильевич у меня в Славитино бывали в гостях. С Нешковичи Александром вместе учились.

О Тришанове.

Когда мы воссоединились с Ю^в Лен. партизанской бригадой (отряд-коздрв 1943 года), мы вошли в отряд № 9 "Архивный" командира которого был Анатолий Никольский, а комиссаром Александров.

У

Наше отряд сохранился полностью,
но стал именоваться 4-й ротой
партизанского отр. № 9 "Дружеской".
Гришанов Василий был командиром
роты, я - политруком и агитатором
всего отряда до расформирования
Ленинградской Ю. п. бригады
в марте 1944 в г. Тарту.

Какова судьба Гришанова после
войны - не знаю.

Гришанов В. из военнопленных,
был из Горьковской области.
Особого расположения к нему я не питаю,
различной образовательной ценз,
к тому же он тщеславен, горд,
способен к правде, и не могу все
это было сдерживать.

Полковник Баранов Николай был
сержантом, выдержанным и сильным.
Горластое в боту - редко бывает
сильным в бою.

Особенно я был не доволен, когда он (Баранов)
приказал расстрелять красавца Олега
(тоже военнопленного) по приказу "Шура",
но согласован со мной, осужденный
для расстрела по делу.
(видимо, у них между собой были какие-то
личные счеты).

Может быть, это не к месту.

Будете здоровы, желаю творческих
успехов.

Уважае. Виктор Михайлович

Ваше письмо, датированное 18/5, получено. Действительно, сейчас, когда-то, в "Новгородской правде" и районной газете "Вперед", я пишу, вырвали мне присланное Ловко и Дмитрием.

Я с удовольствием их читаю, много классные руководители перед Агеем Победой читаю их на уроках литературы. Ребята на меня смотрят странно: перед ними стояли советские герои, о которых пишут. Я, безусловно, возмущаюсь.

Ребята задавали вопрос:

- И. И., и вы убивали предателей и фашистов?

Я отвечаю:

- Да, убивал и бегал...

Наступало молчание.

Павлов приедет завтра в Савинское.
Возможно хотелось бы побывать и
увидеть: возрождается ли Русь? Везде
то там, где проходила война.

К тому же, я сержусь Сави-
тинского итд. Кавказского
приезда писем, в которых просят
рассказать об истории итд.
Я это сделаю.

Ув. Виктор Михайлович!

Вам пишу и с удовольствием
вспоминаю. Все от вас сержусь
благодарю за ваш большой труд.

О неучастии русских уведомили.
Меняю Вам и вашей семье
самые добрые пожелания.

С уважением.

И.И. Словинский

23/1 - 1949

Здравствуйте, уважаемый Виктор Михайлович!
Извините за беспокойство, я решил Вам
написать письмо.

Меня интересуют судьба Вашей докторской
таинной повести "Синее море". Вы
писали, что по плану она должна быть
выпущена в 1981 году.
Вопрос ли она? Если да, то как и где
ее можно приобрести.

Как вы себя чувствуете?

В моей жизни в 1981 году произошло
значительное событие:
во-первых, РОНО, РК ВЛКСМ и РК нашего
района широкого и творческого сотрудничества
нашей педагогической династии, моя семья, я, жена
и дочь проработали в школе 109 лет,
уже пришлось подробно говорить о народной
образовании и совершенствовании педагогики
на различных этапах ее развития, являясь
роль в литературно-художественной композиции
пришлось играть мне, упоминается Ваша
книга, должен был присутствовать
Александр Павлов из Славянского, но он
присутствовать по болезни не мог, при-
ехал только письмо;
во-вторых, в 1981 году исполнилось 50 лет
моей педагогической деятельности и
24 июня 1981г. мне исполнилось 40 лет.
На торжествах я читал собственные
стихотворения: "Память" и "Трагедия".
8 сентября 81 года я ушел с педагогической
работы, в душе образовалась какая-то
пустота, хотя психологически к уходу я
себя готовил. Сердце вдруг то трепещет-
ся, аиущая такая чувств, что я что-то
не доделал, перед кем-то в неплатежи

дору.

Привожу в порядок осенний сад. Себе даю
слово ездить раз, в 34 раз, перечитать все
22 тома Л. Н. Толстого, которого, впрочем.
Я восхищаюсь мудрости темой, его психоло-
гической прогностическостью, стилистической
точности и реалистичности.

Начиная с 1980 года, мне писали письмо
Машинист Е. А. из Торхова, казавшая мне
однополчанкой, говорит, что он бегает
в нашей отряде, был редактором под-
польных газет и начальником Полит-
отдела 10-й Лен. партизанской бригады.
По его просьбе, я вынул девять на-
портретов в 3-х видах, которые якобы бы-
ли бы выставлены в Музеях Тихова,
Ст. Русса, Новгорода и Ленинграда.
Обещая захватить ко мне, но увы!
Помогите время, ни сил, ни духа.

Вот я сколько написал, а Вам, может быть,
читает не когда и не интересно, тогда
извините, пожалуйста.
Когда будете в Ленинграде, ~~то~~ задержитесь,
пожалуйста, ко мне, буду очень рад.
Отвечать, пожалуйста, о судьбе Вашей
повести.

Желаю Вам и Вашей родне доброго
здоровья, счастья и благополучия.
Обнимаю и сердцем чувствую.

13 сентября (воскресенье) 1981 года.

И. И. Леонтьев

Увоиславий Виктор Михайлович!

Большое спасибо за Ваше письмо от
21 января 1979г. Прости извинить за задержку
с ответом, но мой: готовил литературную
композицию на тему: "Подвиг твой бессмертен,
Ленинград!" 27 января, затем был в Новгороде
на торжествах у брата, присутствовал на встрече
с нашим венком на могилы солдат, погибших
при освобождении Новгорода, 30 января
хорошие свозка - все видели своего приятеля.
У брата наши Ваш телеграм, но пригласить
Вас не удалось: незнакомое общество,
"пьянство".

Новгородчане признаются Вам за ту инициативу
и энергию, которую Вы проявили при
сборе материала о нашей стране.
Ваша так много удалось сделать.
Врагинец, обрабатывая Ваши, мне понравил-
ся, только Соловьевова Пеняга не понравил-
ся, а Михайлова.

Мне, выполняю роль комиссара, было очень
тяжело, особенно на первых порах:
сдерживать и обуздать полунархическую
полупьяную вооруженную массу. Но
так просто: ведь не было ни комиссаров,
ни партийных групп.

Иногда приходилось идти на Вы.
Я не могу простить как были расстреляны
молодежькая девушка-красавица из дер.
Городицево Дмитрия. Из деревни Соловьево-
старушка и в тот момент, когда меня
в отряд не было (я был на связи в
Ведовицком районе).
Среди народа пошла молва: "Вот так
партизаны, уничтожают беззащитных
женщин".

Мне удалось спасти жизнь
Тамары... в дер. Свистуха - учительница
Дмитриева Анастасия - дер. Соловьево
Ранга. (имя). Ст. Руса, проживавшая в Соловьево.
Помогая escape в отряде подрывников,
и во время взрыва мостов города

она получила тяжелое ранение и контузию
(но успела отползти в укрытие)
Меня называли "интеллигентиком",
"мягкотелым", но я был непреклонен.
Восемьдесят партизан было на моей
стороне.

Шесток боя и каждая сторона
9 "дружин" Липовод Николай:

он одним коротким зарезом
167 человек, в том числе были монахи.
Сдерживать "небуждающую ярость"
и направлять в русские руки не
так просто.

Особенно трудной контингент
партизан боя из военнопленных.

Они смеются, отваживаются, обстреливают,
но также они склонны к прагматиче-
скому безразличию мирных жителей.

Я выражаю искреннюю, сердечную
благодарность Вам, Виттор Михайлов,
и всей семье, что в мой адрес
прислали доброе слово.

К врагам России, к предателям,
я, как русский человек, питаю
ненависть и презрение, и которое
у них такое от моего имени.

С уважением к Вам.

Моего творческого удач.

И. Сестин

1/II - 1979.

Здравствуйте, Роттер Михайлович!

Когда я пришел с работы, меня вручили
Ваше письмо. Я был в полной недоуможенности.
От кого?..

Прочитав, я был душевно тронут,
даже плохо спал всю ночь. Я,
маленькая песенка, затерявшаяся среди
многомиллионного народа, где-то чужая,
и вдруг, что оставил хоть маленький
след в истории моей Родины.

Но, что против Рот, я вытиснул
немного позже, потому что надо
отослать и бороться с интеллигенцией,
к которой мне я самиком занят,
у учителя, особенно русского языка (а я
еще работаю) некогда, грешу канцеляр,
нет времени.

О подполковниках и партизанах,
о которых Рот упоминает в письме,
мне кое-что известно, а с Троицким
и Архиповым и многими другими моими
учениками Славянского института, много
пришлось воевать, и много из них по
вернувшись с нашей страной.

Иванова Михаила, бывшего председателя
Славянского с/с, я хорошо знаю, но
я, как депутат, был его заместителем.
Паша за письмо. Обещание вытиснуть
в осеннее канцеляр.

15/X - 1948. Ув. к. Рот: Н.И. Голубев

г. Ленинграда
СРЕДНЯЯ ШКОЛА
№ 119

Уважаемый Дмитрий
Михайлович!

Получив Ваше письмо
и список подписавших,
быть расстроился.

Вы продали колесный
рабату, ибо перед вами дождетца,
Вы и трогает руками, читает.

Я вряд ли что могу добавить.

Все воспоминания я вспоминаю,
но не знаю, придется ли они Вам.
Время стерло из памяти много.
Вы упоминаете Командира Сави-
тинского отряда — Инсинаева — я
не знаю. Вместе с Терещенко
пришел в отряд Николай из
военнопленных, но как ему фран-
цуз — не помню, хотя он доста-
точно боев.

О Савинове из д-ва Старо мне
тоже ничего не известно: из Старо
в наш отряд никого не было.

ещу
Скажется - нуля каратески пошла
в рот, выдвигая два зуба и вешается
у позвоночника. Потом повременит
глаголють с взыр.

Вот почему он пертавее.

Я сейчас отащил от тещи.

Летом писала писму Я похор-
посидний день камикуд. Завтра, 10/11,
на работу.

Анна один, жена уехала по
магазинам, дочь Рита с Виром
Гариком пошла в больницу.

Роса в фотоприем, который остался
мало, они почитали от времени.

Как ~~одна~~ фотоприем увеличит
фотоприем 1941 года.

Когда сделаю, вышлю, если надо.

Когда мы воссоединились с 10^й Ли. парти-
бригадой, я был как бы боевой мушкетер,
где были боевые моменты, отражающие
результаты каждой операции, дружные
марши, но после ранения отки оставшиеся
у кавальерии, партизаны любил читать
и слушать доклады и выступления.

Этим мне приходится заниматься и
в Армии, хотя я и был рядовым
солдатом, солдат просит выступить
именно солдата, приходится везти
ляжках, в окопах читать "Восстание
Шермана" А.А. Твардовского и особую
популярность пользовался стих. К. Симонова
"Когда мы в Берлин".

Тогда этим впечатлением так же радовались
в окопах 18/х - 1944 на фронт. Тогда
я написал много стих. "Письмо с
фронта" Эпиграфом которого является
слово Симонова: "Когда мы...", и много
сохраняла это стихотворение.

Обстановка во время войны на оккупиро-
ванной территории была очень
сложной.

и Щегрову Надежду - учитель. из
дер. Мокшопцы, которое посылал
партизанам, прятаясь вместе партизан
сначала в лесу, в частности лесу вблизи
Лидии Алексеевны

Партизанское движение стало расти
после Сталинградской битвы.

Немецкие офицеры и наши люди
потеряли веру в победу, никто
перестал нас приветствовать. Победные
марши, стали меньше употреблять
фразу: "Немецкий солдат гит!"

Среди их работ усиленно дезертирство,
особенно поляки, чехи, австрийцы.

дезертир В нашем отряде была латышская
дама родом австриец - Антон,
которая участвовала в операциях и
была в отряде до марта 1944 г. до
расформирования.

Был один партизан из Ледовитского
района Григорьев. Он был очень
знал, к врагам жесток, вообще
погубительский по отношению.

РСФСР
Министерство культуры
Калининский район
г. Ленинград.

СРЕДНЯЯ ШКОЛА
№ 119

Нейного Кортовее по-еврейски.
Трагедия его судьба.

Немцы расстреливали
всех жителей деревни
за связь с партизанами
Зима 1942 г. Урва все

жителей деревни: мужчин,
стариков и дети.

Команда: "Огонь!" Все убито
упало в рот, в темноту и
трюмбел.

Вдруг замолчали, истекли
пробва, он оглушен, пробвася.

Ночь. Будит пурга. Она замирает
трупом. А он встает и пошел вглубь.

Мел, мел, и вдруг захлопнул огонь.
Он пошел на него. К старому, в
дверях не было немцев. Он пошел

такая. Открыта дверь старушки,
и вот старушка такая вратоват
носовой. Мел от в пурге.

И воздерживал. И пришел к нему
в отряд. Мел звали его
"вскресший из мертвых"

Минусинск
г. Ленинград
СРЕДНЯЯ ШКОЛА

№ 119

Уважаемый Родитель
Михаилович!

По-моему, Вы идёте
на правильном пути
Ведь надо отрабатывать
истину, а истину можно
понять и допустить и
ответивших обязательств.
Я рад Вам хоть чем-нибудь
помочь

В Новгороде у меня живут
родной брат Василий
кавалер ордена Александра
Невского, на он воевал в регулярных войсках
Также поселился фотографией
моих альбомов.

Пока война к нам, промываемая
на оккупир. терр, отменяется подорывающая,
а много ^и не мешая пороко. Не мешая
запрос, выгоды.
Ведь не будущее выворачивается,
говорить «доказывать» то не поздно,

Р. С. Ф. Ф.
Министерство просвещения

Калининский район
г. Ленинграда

СРЕДНЯЯ ШКОЛА

№ 119

19

М.

г. Ленинград

Там же

г.

кр. 2

Родился очень хорошо сделав,
что сделали в Советском,
Ремне и др. деревни, где
я не был с 1945 года.

Очень много могу написать,
а кем говорить.

"Герой" после войны узнал —
темно было, тем в 41, 42 годах.
Меня в 1946-47-48 г. возвращали следователю
наше оранж по делу отдаленных партизан
нашего отряда, а в 1947 г. они были
помощниками с мажорантами оруженосца:
Гриша — из Савинского, ... у Козловых.
и др.

У Василия Васильевича у дед Отрава,
он долго работал секретарем Селекционной СС,
это вообще обязательный парент,
сын родной брат Хитрица и
сестра Карен, которого со мной
имеет связь, но они очень переживали
о трагедии брата и были очень
осторожны

Нужно отметить Павла Хитрица Вас

что является тайной.

Особенно тяжело была в эпоху "лен. фронт",
"попавшие".

Я оказался в 47-м году, потерял себя и чуть
не совершил ужас. преступление в кабинете
зав РОНО (т.е. и что не ударил его
стусом) ^{Она была инициатор. Я работал завхоза ЧРБ} ~~Она~~ ^{Сейчас он ходит и кандидат}
поза. Много чего лежало. Авторитета не имеет
Вот какие дела.

Желаю Вам творческих удачи, здоровья
и счастья.

С уважением. И.И. Ломтев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Если наше село разделить на три части, то наш дом находился на конце второй его трети, если смотреть на Должино со стороны Соловьёва. Дом-пятистенок из крупных сосновых брёвен, с пятью окнами на улицу и двумя с левой стороны. Из окон переднего угла дома открывался вид на центр села. Справа шла дорога на Славитено, слева — дорога на Сельцо и Тюриково, а прямо — дорога на Большие Гривы. По другую сторону села, наискосок, жили наши друзья Немковы. Из наших окон можно было видеть кто приходил в их дом.

В переднем углу дома, где стоял большой стол, с левой стороны лавка, а с правой стулья, с утра и до наступления темноты всегда сидела моя старшая сестра Мария, которой шёл тогда четырнадцатый год, и вязала чулок. Отец велел ей смотреть в окна и замечать кто, куда и с кем прошёл или проехал и в какое время. Часы-ходики находились тут же на стене.

Днём к нам часто приходил Миша Васильев, сын должинской учительницы Нины Павловны.

— Ты всё вяжешь? — спрашивал он сестру.

— Вяжу — отвечала она.

Если папы дома не было, он подходил к буфету и доставал бумажный свёрток, и, пряча его за пазуху, предупреждал сестру, что это приготовлено для него. Сестра в свою очередь уже была предупреждена отцом. Когда папа был дома, он сам давал Мише такой свёрток.

Однажды Миша пришёл к нам и, достав из буфета очередной свёрток, встал у края стола и заговорил с сестрой.

— Смотри на меня дольше и запомни какой я, — сказал он и ушёл.

Во дворе у нас стояла маленькая лошадёнка и лёгкие сани. Отец часто выезжал из села. Тогда он говорил старшей сестре, чтобы она в течение 2-х часов не отходила от окон и смотрела, не поехал ли кто за ним вслед. А когда он уезжал с Анной Ивановной Немковой, то давал дополнительные задания и матери, которая также наблюдала за дорогой, выходя за водой на реку, которая была на середине села, заходила к соседям с какой-нибудь незначительной просьбой или угощала свежим молоком.

Однажды папа уехал с Анной Ивановной Немковой в Дно и не вернулся ночевать. Январь 1942 года был очень морозным, и мама не спала всю ночь. Вернулся отец на второй день с обмороженной ногой. Потом он рассказывал матери, что, проехав Большие Гривы, они не поехали по большаку, а свернули на дорогу, ведущую в лес. Папа никогда не ездил и не ходил намеченным маршрутом, всегда в пути менял направление. Так было и на этот раз. Свернув в сторону, они попали на ненаезженную дорогу. Сначала был снеговой наст, а потом снег стал проваливаться. Маленькая лошадка не выдерживала снега, который доходил до её шеи. Лошадь тревожно зафыркала. Отец боялся, что она может заржать от чувства опасности. Тогда папа распряг лошадь и, пустив её вперёд, сам впрягся в оглобли, а Анна Ивановна толкала сани сзади, которые были очень тяжёлыми. Так они медленно добрались до леса, где их ожидали... Мы, дети, тогда не знали о цели этой поездки, но мама рассказывала, что в санях, которые были тяжёлыми, они доставили партизанам оружие и муку.

Неоткрытый свёрток
а сестра с мамой
Помогла с Дно

"Ферботен!" (запрещается) — это слово мы узнали сразу после того, как в село вторглись фашисты. На селе водворился "новый порядок". Появились староста, урядник, полицаи, каратели. Началась слежка за каждым домом, за каждым прохожим.

В один из дней ранней осени мы, дети, увидели в доме нового человека. Звали его Фёдором. Мы, дети, о нём ничего не знали, но полюбили его за весёлый нрав.

Дом наш делился на две половины: тёплую избу, где топились русская печь и "холодную комнату", откуда шёл спуск в подвал.

Холодная комната имела два входа: один из тёплой избы, другой прямо с улицы. Фёдя днём находился в холодной комнате, в которую мы, дети, не ходили. Но так как через неё был спуск в глубокий просторный подвал, где хранились соленья, картофель и были установлены жернова, на которых я часто молола зерно, я проходила через холодную комнату и видела в ней перемены, произошедшие за дни вторжения фашистов в село. В её переднем углу появились невиданные нами прежде приспособления, большие листы железа. На толстом чурбане, стоявшем у окна, лежала металлическая плита, к которой были прикреплены тиски. Много было плотно накрыто мешковиной и бумагой. Однажды войдя в холодную комнату, хотя мне это и не требовалось, я увидела, как Фёдя ремонтирует пистолет. Настоящие пуды выскакивали из его пружины. Фёдя взглянул на меня не выказывая ни волнения, ни удивления. Я тоже сделала вид, что это меня не касается и спустилась в подвал.

Была осень. В один из дней в нашем доме за столом сидели четверо мужчин. Это были отец, наш любимец Сашка Немков, Фёдя и совершенно незнакомый нам человек, который внимательно вглядывался во всех присутствующих, в том числе и в меня, сидевшую на коленях у отца. У него были тёмные волосы и

карие глаза.

Шла игра в карты, и, как я потом узнала, они разрабатывали ход своих подпольных действий. Через условную азбуку карт они получали сообщения о деятельности своих людей. Такие сведения они могли получать и передавать своим подпольщикам в любой домашней обстановке, даже в присутствии людей неугодных.

Слежка за людьми ожесточалась, но отцу надо было общаться с подпольщиками. Он пустил слух, что купит лошадь. И вот однажды к нашему дому подъехал Осип Васильевич Багов. В дом он не вошёл. Вызвав папу, он предложил купить ему лошадь. Это был пароль. Разговор отца с Баговым услышать было невозможно. С таким же вопросом к нашему дому приезжал и Александр Иванов (Гашин). Они также разговаривали очень тихо.

В январе 1942 года Федя пропал из нашего дома. Мама рассказывала потом, что ночной порой за ним приехали Васькин и Багов. Отсутствие военнопленного Фёдора Васильевича Родионова, тогда он жил под другим именем, было замечено урядником, который долго допытывался у отца куда девался человек. Отец объяснял "Ушёл в Заболотье к портному и не вернулся. Вот справлю пропуск, поищу", - говорил он.

Двор с хлевом соединялся с домом. Там под крышей хранилось в соломе оружие, собранное на полях сражений. Когда враги зажгли наш дом и огонь захватил хлев, были сильные взрывы.

- Не зря расстреляли Еремеева, - говорили наши враги и бежали от горевшего дома. Не даром Осип Васильевич Багов говорил, что Еремеев был самый подготовленный из подпольщиков. В нашем доме можно было спрятать что угодно и кого угодно и вынести то, что требуется, да так, что не ведали его домочадцы.

Дочь члена Партийной подпольной Волотовской организации В.Ф. Еремеева - Павлова Е.В.

С. Павлов